

нашимъ, но эти переходы, всегда введъ совершавшиеся съ несомненнымъ трудомъ и сопровождавшиеся глубокими превращениями въ жизни самого государства, у насъ ни разу не приняли такого положения, которое хотя относительно можно было бы назвать критическимъ, социальныя противорѣчя ни разу не были не только на дѣлѣ, но и съ виду неразрѣшимыми и непримиримыми.

Радость сознания единения народа съ Царемъ и неразрывности его—вотъ то чувство, съ которымъ Россія будетъ праздновать юбилейные царскіе дни. Въ эти дни легче, чѣмъ когда либо, можно повѣять всю ничтожность и вздорность—поэтому и нельзя говорить объ ихъ опасности—тѣхъ отдельныхъ и случайныхъ фактовъ, по которымъ старались внушить мысль, что прочностъ единения между Царемъ и народомъ заколебалась во времена, ближайшія къ намъ. Странно было бы отрицать, что такіе печальные факты были; они есть и теперь.

Но съ той высоты трехсотлѣтнихъ воспоминаній, на которую поднимется сегодня русскіе люди, они увядаютъ, до какой степени въ такіе факты ничтожны и даже просто не замѣтны! Помимо того, что къ нимъ не имѣется отношенія русскій народъ, не знавшій и не желавшій узнать съ того времени, какъ онъ образовывалъ государство, другого образа правленія, кромѣ монархическаго,—въ нихъ также не повинна и русская интеллигенція. Какъ народъ, когда онъ уклонился отъ общепринятыхъ путей въ области мысли и совѣсти, доходящихъ въ своихъ сектахъ и ученияхъ до самыхъ смѣлыхъ выводовъ, какъ говорится, переопредѣлялъ, въ дѣйствительности, кромѣ одной—царской власти въ Россіи; такъ и интеллигенція русская въ своихъ исканіяхъ и увлеченіяхъ приходила къ самымъ крайнимъ и дерзкимъ выводамъ, но искренни и на свой ладъ последовательны были эти увлеченія и эти выводы, когда они касались социальныхъ отношеній. Республиканскія же идеи въ умонастроеніи нашей интеллигенціи занимали самое ничтожное мѣсто, а главное, были всегда наносными и искусственными, хотя и доводили единичныя жалкія головы до кошмарныхъ преступленій.

Вотъ это сознание, что не только невгоды и испытанія укрѣпляли единение Царя и народа, но и колебали его и соблазны капризныхъ и разнуданныхъ идей двухъ послѣднихъ вѣковъ,—даетъ русскимъ людямъ право участвовать на сегодняшнемъ праздникѣ не только съ радостнымъ, но и съ чистымъ сердцемъ. Лучи любви народной, озарившей Домъ Романовыхъ триста лѣтъ назадъ, не погасли и не потускнѣли.

Къ хору ста миллионныхъ молитвъ и пожеланій, которыя сегодня подымутся и уже подыались (вѣдь, въ предѣлахъ нашей родины не заходить солнце) за здравіе Государя Императора и Его Семьи, присоединимъ и мы свой голосъ отъ имени подданныхъ Его Императорскаго Величества на нашей крайнѣ: Да здравствуетъ Государь Императоръ! Боже, Царя храни!

не только ничего не имѣлъ противъ раздѣленія власти государственнаго управленія съ избравшимъ его соборомъ, но и несомнѣнно порождая возможность совместныхъ дѣйствій съ главной опорой своей, еще не исполнѣ упрощенной, власти.

Вотъ почему первая девять лѣтъ царствования Михаила Феодоровича—это, по удачному выраженію одного изъ исследователей, золотого вѣка въ исторіи нашихъ земскихъ соборовъ—были и въ дѣйствительности временемъ соборнаго управленія московскихъ государствъ.

На ряду съ верховной властью царя непрерывно въ теченіе всѣхъ девяти лѣтъ существовало и дѣйствовало высшее представительство—земскій соборъ. Ничто не дѣлало царя безъ совѣта и

рѣшенія наиболее важныхъ государственныхъ вопросовъ, верховная власть, въ лицѣ того же Михаила Феодоровича и его преемниковъ Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича созидала земскіе соборы и охотно принимала совѣтъ «всей земли».

Депутаты земскихъ соборовъ первобытно заняты о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, совершенно несогласныхъ съ интересами царя, стоявшихъ во главѣ управленія и отбывавшихъ собою отъ народа представляемую верховную власть. Они не стѣснялись указывать на злоупотребленія органовъ высшаго Московскаго правительства, жаловались на несправедливость и волюнтаризмъ господствующаго въ московскихъ судахъ, обращали вниманіе государя на тяжесть податей и повинностей. И Московскіе

государственную и общественную жизнь русскаго народа.

Права, Алексѣй Михайловичъ въ глубинѣ души оставался еще старозавѣтнымъ русскимъ человекомъ, но и онъ уже, самъ по себѣ, независимо отъ постороннихъ вліяній, былъ очень далеко отъ сѣбной, фанатичной привязанности къ родной старинѣ; онъ былъ искренно убежденъ, что, лишившись не извѣстныхъ главнымъ основамъ и устоямъ національнаго быта, можно съ извѣстной осторожностью пользоваться и жизненнымъ опытомъ другихъ, иноземныхъ, народовъ. Вотъ почему, не разрывая крѣпкихъ, тѣсныхъ связей съ многочисленной и сильной партией московскихъ стародумовъ, считавшихъ непосредственнымъ выработаннымъ вѣкамъ строй государственной, об-

Молодой сынъ и преемникъ Алексѣя—Феодоръ Алексѣевичъ, достигнувъ 17-лѣтняго возраста, уже довольно рѣшительно освободилъ себя отъ стѣснительной опеки пререженцевъ старинъ и открылъ свободный доступъ къ центру государственнаго управленія людямъ новымъ, просвѣщеннымъ и убежденнымъ сторонникамъ разнообразныхъ реформъ. Обруживъ себя способными и добросовѣтными сотрудниками, онъ пошелъ гораздо дальше своего отца и вполне определенно сталъ высказывать нѣтъ чуждыми симпатіи къ либеральнымъ идеямъ и разумнымъ проектамъ лучшихъ, передовыхъ людей своего времени. Его государственная дѣятельность, несмотря на всю кратковременность, оказала настолько важную и серьезную услугу дѣлу воссто-

пештенія и доведенія до конца труднаго дѣла должна была явиться на московскомъ престолѣ болѣе сильная и энергичная личность, не только глубоко и всесторонне проникнутая передовыми преобразовательными идеями, но и способная неустойчиво бороться и преодолевать всевозможныя препятствія, стоявшія на пути къ достигнутаго намѣченной цели. Такого цѣльнаго и энергичнаго государственнаго вождя и дала старая Москва новая царская династія Романовыхъ въ лицѣ ближайшаго преемника преемственно скончавшагося Феодора, Петра Алексѣевича, вполне заслужившаго законное и неотъемлемое право на званіе великаго преобразователя Россіи и одного изъ величайшихъ дѣятелей всемирной исторіи.

Взрослѣя на повѣѣ передовыхъ идейнаго движенія второй половины XVIII вѣка, преобразовательныя стремленія Екатерины на первомъ же шагѣ въ царствованіи своей дѣятельности приняла въ стѣсненное съ тѣмъ состояніемъ, вѣдѣвшимъ интересамъ высшаго общественнаго класса, вѣдѣвшаго также и личными интересами въ дворянскихъ переворотахъ недавняго прошлаго. Въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей, посвященныхъ императрицѣ Екатерины II, мы уже писали, что возвышенныя идеи ея Наказъ встрѣтили дружное и энергичное противодѣйствіе со стороны лишь принадлежавшихъ къ высшему общественному классу, находившемуся въ особенномъ, привилегированномъ положеніи и желавшему не справедливого и по возможности равноразнаго распредѣленія правъ между различными общественными классами, а пріобрѣтенія себѣ исключительныхъ привилегій, хотя бы и явно нарушавшихъ интересы другихъ сословій. Екатерина оказалась, къ сожалѣнію, не въ силахъ отстоять неприсоединенность идей своего Наказа и тѣмъ возстановить противъ себя вѣзлительное дворянское сословіе.

АЛЕКСѢЙ МИХАИЛОВИЧЪ. (1645—1676 годъ).

ФЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ. (1676—1682).

ПРАВИТЕЛЬНИЦА СОФЯ. (1682—1689).

ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ. 1682—1696).

АЛЕКСАНДРЪ III МИРОТВОРЕЦЪ. (1881—1894).

АЛЕКСАНДРЪ II ОСВОБОДИТЕЛЬ. (1855—1881).

ПЕТРЪ II. (1727—1730).

ЕКАТЕРИНА I. 1725—1727).

АЛЕКСАНДРЪ I БЛАГОСЛОВЕННЫЙ. (1801—1825).

Петръ Великій, первый Императоръ Дома Романовыхъ.

ПЕТРЪ II. (1727—1730).

АННА ІОАННОВНА. (1730—1740).

НИКОЛАЙ I. (1825—1855).

ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ. (1740—1741).

АЛЕКСАНДРЪ I БЛАГОСЛОВЕННЫЙ. (1801—1825).

ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ. (1762—1796).

ПЕТРЪ III. (1761—1762).

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА. (1741—1761).

Почетная роль царствующаго Дома Романовыхъ въ исторіи русской государственной и общественной жизни.

21-го февраля 1613 года всѣ члены московскаго вѣскаго собора, созваннаго для рѣшенія стоявшаго тогда на очереди капитальнаго вопроса объ избраніи новаго государя, представили свои письменныя мнѣнія, съ указаніемъ одного и того же имени Михаила Феодоровича Романова, какъ единственнаго кандидата на Московскій престолъ, способнаго примирить противоположные интересы различныхъ общественныхъ элементовъ и обезпечить извѣстную и разоренной странѣ прочное существованіе новой царской династіи.

Избранная «всѣмъ землемъ» въ лицѣ ея разнообразныхъ представителей, заявившихъ свою волю на земскомъ соборѣ, новая царская династія Романовыхъ на первомъ шагу встрѣчалась съ огромною, колоссальною задачей. Требовались громадные усилія, чтобы возстановить разстроенный государственный порядокъ. Нужно было считаться и съ всеобщимъ разореніемъ явившимся результатомъ «вселяющей разрухи», и съ волненіями казаковъ, не желавшихъ признавать установленнаго порядкомъ, и съ продолжавшимися военными дѣйствіями соседняго польско-литовскаго государства.

Понятно, что усложненіе выполненіе такой трудной задачи, выпавшей на долю перваго представителя и родоначальника Дома Романовыхъ, вступившаго на престолъ совершенно молодымъ, 16-лѣтнимъ юношей, было возможно лишь при условии дружной и совѣстной работы верховной власти и всей русской «земли». И мы, дѣйствительно, видимъ, что Михаилъ Феодоровичъ

государя очень часто прибавлялъ серьезное значеніе заявленіямъ выборныхъ и удовлетворялъ ихъ справедливыя желанія; даже значительная часть законодательнаго кодекса московскаго періода, извѣстнаго именемъ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, составлена почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей.

Права, безразлично использованные помощью и содѣйствіемъ народныхъ представителей въ дѣлѣ спасенія государства отъ тяжелейшихъ послѣдствій «вселяющей разрухи», новая царская династія, во истеченіи первыхъ 9 лѣтъ, стала уже самостоятельно, усидно и вѣстойно рукою «вновь ступившаго» на астрѣбу запросамъ передового, прогрессивнаго меньшинства русскаго общества, во и очень часто даже принимала на себя самую инициативу проведенія передовыхъ, прогрессивныхъ идей въ

частной и частной жизни, царь Алексѣй не только не препятствовалъ новаторскимъ стремленіямъ, но и позволялъ имъ проявлять первые слабые опыты реформированія извѣстныхъ сторонъ устарѣвшаго государственнаго механизма. И въ этомъ, какъ уже часто писавшимъ, отношеніи представителя верховной власти къ зарождающему тогда повороту на новый историческій путь, въ этой благодатной астрѣбу, созданной отсутствіемъ искусственныхъ препятствій и неунывающихъ тормозовъ, начавшемуся вѣдомому движенію, заключалась одна-же большая и существенная заслуга Алексѣя Михайловича въ дѣлѣ подготовленія Россіи къ предстоявшимъ преобразованіямъ.

Сложная и трудная задача всесторонняго реформированія русской государственной и общественной жизни, несмотря на исключительныя усилія Феодора Алексѣевича и при неограниченномъ характерѣ верховной власти ея широкимъ преобразовательнымъ стремленіемъ.

Но если неограниченно самодержавіе, вполне унаследованное великимъ реформаторомъ Россіи отъ его предковъ—Московскихъ царей, явилось въ рукахъ глубоко убежденнаго и необыкновенно энергичнаго перваго русскаго императора могучимъ средствомъ къ осуществленію преобразовательныхъ стремленій, создаваемыхъ многочисленными и сильными противниками новизны, то необходимыя условия вступленія на престолъ императрицы Екатерины II легко могли парализовать и при неограниченномъ характерѣ верховной власти ея широкимъ преобразовательнымъ стремленіемъ.

Безпреступное и обстоятельное изученіе политической программы Николаевскаго царствования даетъ основаніе утверждать, что императоръ Николай I болѣе, не чуждъ стремленій къ широкимъ реформамъ, способнымъ существенно образовать затронуть сами глубинныя вопросы государя не только шель впередъ всѣхъ своихъ согражданъ и совѣтниковъ, но и являлся среди нихъ почти единственнымъ представителемъ прогрессивныхъ идей своего времени. «Со времени вступленія моего на престолъ», говорилъ онъ, «я собралъ всѣ бумаги, относящіяся къ процессу, который хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Къ крайнему сожалѣнію однако же, преобразовательныя планы императора Николая Павловича, какъ въ области крестьянскаго вопроса, такъ и въ другихъ сферахъ государственной и общественной жизни, встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны окружающей его среды и получили возможность вылиться въ довольно падавшіяся правительственныя мѣропріятія, оказавшіяся совершенно безсильными довести Россію до намѣченнаго государемъ политическаго идеала.

Самъ императоръ Николай I передавая послѣднюю волю наслѣднику престола, произнесъ рѣшительное слово осужденія всему до реформированной сторонъ русской государственной и общественной жизни. «Сдаю тебѣ команду», говорилъ онъ, «будущему преобразователю Россіи, сло не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ; оставая тебѣ много заботъ и труд-

